

УДК 821.111

ДЕКОРАТИВНОСТЬ И ЭСТЕТИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О. УАЙЛЬДА НА ЭТАПЕ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ КАК ПИСАТЕЛЯ

Т. М. КУЗМЕНКОВА

(Представлено: д-р филол. наук, доц. З. И. ТРЕТЬЯК)

В данной статье проанализировано раннее творчество Оскара Уайльда и выявлены отличительные черты художественного стиля автора на этапе его становления как писателя

Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд (*Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde, 1854–1900*) является одним из самых ярких представителей английского эстетизма и декаданса. Его роман «Портрет Дориана Грея» (*The Picture of Dorian Gray, 1890*) – это пример литературы эстетизма и идеи «чистого искусства». Однако, еще до выхода в свет данного романа, Уайльд публикует ряд произведений, в которых он также демонстрирует свое отношение к таким категориям, как «добро», «зло» и «красота».

Свое первое стихотворение О. Уайльд написал, когда он был еще подростком. В 1867 году Уайльд пишет стихотворение «Requiescat», которое он посвятил своей сестре Изоле, умершей от лихорадки [1, с. 42]. Во время учебы в Оксфорде Уайльд продолжает свой творческий путь. Позже, в эссе «Упадок лжи» Уайльд говорил: «прекрасно лишь то, что не имеет к нам касательства»⁶⁰ [2, с. 919] – утверждая, что жизнь не имеет власти над искусством. Однако первые его работы связаны с событиями из жизни самого автора.

Вдохновившись красотой Италии, Уайльд создает свою первую поэму «Равенна», за которую он получил Ньюдигетскую премию [4, с. 28]. В «Равенне» Уайльд описывает некогда великий город Равенна, который нес свою славу от римской империи до настоящего момента.

Уже в первой части поэмы можно обратить внимание на то, как Уайльд относится к этому городу: «О древнем имени Равенны я / Все помышлял, восторга не тоя, / Пред берёзовым небом в злате дня. / Как детски билось сердце у меня, / Когда за камышами и рекой / Я видел ясно древний Град Святой, / Увенчанный короной башен!»⁶¹ [2, с. 1248]. В понимание Оскара Уайльда «Град Святой» – это не духовное наполнение понятия, а преимущественно эстетическая составляющая, которая вдохновляет писателя: «Как странно тихо! Ни житейский звук / Покой не потревожит. Ни пастух / Не тронет дудку, и навстречу дня / Не высыплет, играя, ребячьи: / Унынье, тишь и скорбь! Здесь человек / Не ведая скорбей, жить мог бы век, / Следя за сменой лета и зимы, / С весны ликующей до зимней тьмы, / Не мысля о печали - ибо тут / Летейские струи текут, текут»⁶² [2, с.1248].

В третьей части поэмы Уайльд обращается к образу Данте: «Вот – гроб его, отверстый всем ветрам: / Рука ваятеля явила нам / Чело, избравшее благу часть, / Глаза, излившие любовь и страсть, Уста, воспевшие и Рай, и Ад, / «...» / Увы, мой Данте, скорбь и боль твоя – / Суть цепь изгнанничества бытия. / Круты ступени во дворцах царей, / И много ран приносят камни дней / Природе человека в забвении. / Но злой сей мир – он песни чтит твои, / Народы чтят тебя, да и она, / Тосканы царской злобная жена, / Воздев венец терновый на тебя, / Теперь приносит лавры, возлюбя, / И молит вновь прах сына ей вернуть. / О горькое изгнание! Твоя грудь / Соединилась с Беатриче: твой / Хранит Равенна пепел и покой»⁶³ [2, с. 1250]. Здесь, Уайльд показывает читателю, что искусство и красота бессмертны. Душа Данте сохранилась в его произведениях, создавая настоящее произведение искусства из его творчества. Уайльд

⁶⁰ «The only thing that's beautiful is that which has nothing to do with us» [3, p. 78].

⁶¹ «And musing on Ravenna's ancient name, / I watched the day till, marked with wounds of flame, / The turquoise sky to burnished gold was turned. / O how my heart with boyish passion burned, / When far away across the sedge and mere / I saw that Holy City rising clear, / Crowned with her crown of towers! [5].

⁶² «How strangely still! no sound of life or joy / Startles the air; no laughing shepherd-boy / Pipes on his reed, nor ever through the day / Comes the glad sound of children at their play: / O sad, and sweet, and silent! surely here / A man might dwell apart from troublous fear, / Watching the tide of seasons as they flow / From amorous Spring to Winter's rain and snow, / And have no thought of sorrow;—here, indeed, / Are Lethe's waters, and that fatal weed / Which makes a man forget his fatherland [5].

⁶³ «His gilded shrine lies open to the air; / And cunning sculptor's hands have carven there / The calm white brow, as calm as earliest morn, / The eyes that flashed with passionate love and scorn, / The lips that sang of Heaven and of Hell, / «...» / Alas! my Dante! thou hast known the pain / Of meaner lives,—the exile's galling chain, / How steep the stairs within kings' houses are, / And all the petty miseries which mar / Man's nobler nature with the sense of wrong. / Yet this dull world is grateful for thy song; / Our nations do thee homage,—even she, / That cruel queen of vine-clad Tuscany, / Who bound with crown of thorns thy living brow, / Hath decked thine empty tomb with laurels now, / And begs in vain the ashes of her son. / O mightiest exile! all thy grief is done: / Thy soul walks now beside thy Beatrice; / Ravenna guards thine ashes: sleep in peace» [5].

при описании образа Данте подчеркивает, что испытания, которые пришлось пережить Данте и его невероятная слава, которой он достиг, создают сильный контраст между обыденной жизнью и жизнью творца наполненной красотой.

Также в данной поэме Уайльд воспевае личность Байрона, который некоторое время жил в Равенне. Уайльд называет Байрона своим героем, и здесь заметна связь в их судьбах. Писатели, несмотря на успешную литературную карьеру, стали изгнанниками в английском обществе. Конечно, на период написания данной поэмы Уайльд еще не успел приобрести ни должного успеха, ни краха, однако стоит обратить внимание на ключевую мысль: жизнь творца – ничто в сравнении с его творчеством: «И Англией увенчан и почтен / Поэт и воин, первый в том и в том. / Не скажет зависть более о нем, / Змея, не прошипевши ничего, / Не тронет славного герба его»⁶⁴ [2, с. 1250].

В одной из частей Уайльд обращается к языческим богам и греческому пантеону: «О дерева! О вольный дух лесной! / От века всяк свободен пред тобой, / Полузабыв борьбы усталый мир. / Кровь бьется горячее, и жизни пир В усталых венах вновь ожить готов. / Леса полны забытых встарь богов. / Вот козлоногий Пан, как менестрель, / Средь камышей! Дриаду — деву-цель / Настиг он, и звучит девичий крик, / А вот передо мной предстал на миг / Лик бога! Там - Диана без следа / Бежит, своей охотою горда. / Ее прекрасен и ужасен зрак»⁶⁵ [2, с.1251]. В своих ранних произведениях О. Уайльд часто обращается к легендам и мифам для создания более ярких и декоративных сюжетов, как, например, в его сборниках сказок. Большую часть своего творчества он посвящает идеям красоты и искусства, однако в позднем его творчестве заметен переход от фантастических и языческих сюжетов к христианским.

Несмотря на различные темы, поднятые автором в «Равенне», основным компонентом данной поэмы стала красота. Благодаря большому количеству метафор, сравнений, образности и декоративности данная поэма стала примером воплощения основных эстетических мыслей автора в отношении жизни и искусства. Красота слога автора увлекает читателей в независимости от основной идеи поэмы.

В этот же период, вдохновившись поездкой в Египет, Оскар Уайльд начинает работу над поэмой «Сфинкс». Данную поэму он пишет в течении двадцати лет и в свет она выходит лишь в 1894 году. Поэму ставят в один ряд с такими произведениями, как «Портрет Дориана Грея» и пьеса «Саломея» – они стали яркими примерами эстетизма и декаданса [4, с. 45].

В поэме «Сфинкс» Уайльд использует множество философских, символических и аллегорических элементов, чтобы раскрыть свои мысли о человеческой природе и сущности жизни. Он обращается к размышлениям о времени как непостижимом явлении, о пустоте человеческих страстей, о вечной борьбе между добром и злом.

Оскар Уайльд начинает поэму с описания прекрасной девушки-Сфинкса: «Сфинкс восхитительный томный, / Иди, у ног моих ложись, / Я буду гладить, точно рысь – / Твой мех пятнистый, мягкий, тёмный. / И я коснусь твоих когтей, / И я сожму твой хвост проворный, / Что обвился, как Аспид черный, / Вкруг лапы бархатной твоей»⁶⁶ [2, с. 1218]. Восхищаясь красотой и могуществом Сфинкса, Уайльд также отмечает ее мудрость и опыт, который она обрела в течение столетий: «Столетний счет тебе был велен, / Меж тем как я едва видал, / Как двадцать раз сад менял / На золотые ризы зелень. / Но пред тобою обелиск / Открыл свои иероглифы, / С тобой играли гиппогрифы / И вел беседы василиск»⁶⁷ [2, с. 1218]. Акцентируя внимание на истории Египта и его мифологии, Уайльд показывает читателю, насколько важен опыт и мудрость в познании окружающей красоты. Здесь мы также можем заметить различных фантастических существ и египетских богов, которых описывает Уайльд для создания более ярких и запоминающихся образов.

Далее Уайльд старается узнать, кто был главным любовником Сфинкса: «Твои любовники... за счастье / Владеть тобой дрались они? / Кто проводил с тобой все дни? / Кто был сосудом сладострастья? / Перед тобою в тростниках / Гигантский Ящер пресмыкался, / Иль на тебя, как вихрь, бросался / Грифон с металлом на боках? / Иль брел к тебе неумолимый / Гиппопотам, открывши пасть, / Или

⁶⁴ «And England, too, shall glory in her son, / Her warrior-poet, first in song and fight. / No longer now shall Slander's venom'd spite / Crawl like a snake across his perfect name, / Or mar the lordly scutcheon of his fame» [5].

⁶⁵ «O waving trees, O forest liberty! / Within your haunts at least a man is free, / And half forgets the weary world of strife: / The blood flows hotter, and a sense of life / Wakes i' the quickening veins, while once again / The woods are filled with gods we fancied slain. / Long time I watched, and surely hoped to see / Some goat-foot Pan make merry minstrelsy / Amid the reeds! some startled Dryad-maid / In girlish flight! or lurking in the glade, / The soft brown limbs, the wanton treacherous face / Of woodland god! Queen Dian in the chase, / White-limbed and terrible, with look of pride» [5].

⁶⁶ «Come forth my lovely languorous Sphinx! and put your head upon my knee! / And let me stroke your throat and see your body spotted like the Lynx! / And let me touch those curving claws / Of yellow ivory and grasp / The tail that like a monstrous / Asp coils round your heavy velvet paws!» [6, p. 8].

⁶⁷ «A thousand weary centuries are thine while I have hardly seen / Some twenty summers cast their green for Autumn's gaudy liveries. / But you can read the Hieroglyphs on the great sand-stone obelisks, / And you have talked with Basilisks, and you have looked on Hippogriffs [6, p. 10].

в Драконах пела страсть, / Когда ты проходила мимо? / Иль из разрушенных гробов / Химера выбежала в гневе, / Чтобы в твоём несытом чреве / Зачать чудовищ и богов?»⁶⁸ [2, с.1222]. Описывая любовные связи сфинкса, Уайльд создает образ греховной красоты, которая сладострастна и в отличие от примера истинной любви, которая возвышает душу человека – несет смерть: «Какой нездешний грешный дух / Принес мне гибельный подарок? / О, если б свет мой был не ярк / И не приманивал вас двух!»⁶⁹ [2, с. 1226].

В конце поэмы возникает морально-этический и эстетический парадокс во взглядах автора. В начале мы видим, насколько увлечен главный лирический герой образом Сфинкса: «Ну что же, выступи теперь / Вперед, мой сенешаль чудесный! / Вперед, вперед, гротеск прелестный, / Полужена и полужверь»⁷⁰ [2, с.1217]. Его увлекает судьба Сфинкса, ее история, однако осознав весь ее путь, герой находит его греховным и прогоняет ее: «О тайна, мерзкая вдвойне, / Пес ненавистный, прочь отсюда / Ты пробуждаешь с жадной чуда / Все мысли скотские во мне. / Ты называешь веру нищей, / Ты вносишь чувственность в мой дом, / И Аттис с поднятым ножом / Меня, смущенного, был чище»⁷¹ [2, с.1227]. Мы видим довольно резкий переход от восхищения к отвращению, от принятия к осуждению. Этот неожиданный поворот можно также объяснить ввиду изменений эстетских принципов автора. Учитывая то, что Уайльд писал данную поэму в течение двадцати лет, можно сказать, что конец поэмы был написан уже в более зрелом возрасте, когда моральная и духовная составляющая творчества не так сильно отвергалась автором.

Поэма «Сфинкс» выделяется своей образностью и изысканным языком. Уайльд строит текст таким образом, что каждая строфа или строка может толковаться многочисленными способами, что придает произведению загадочность и мистическое звучание. Благодаря этому, данная поэма стала одной из наиболее ярких примеров литературы эстетизма

На начальном этапе своей творческой карьеры Уайльд выпускает ряд стихотворений, которые не входят в определенный сборник. Для анализа возьмем стихотворения «Дом блудницы» и «Декоративные фантазии», так как они наиболее полно описывают эстетические и моральные принципы, которых придерживался Уайльд в начале своего пути.

Стихотворение «Дом блудницы» было вдохновлено поездкой во Францию. Автор при помощи особого ритма и музыкальности вовлекает читателя на улицы Франции [1, с. 117]. К.Н. Савельев пишет, что данное стихотворение создано в «несвойственной Уайльду манере, где, казалось, он изменил своим принципам и привнес в стихотворение самый обычный уличный говор» [7, с. 18]. Здесь стоит не согласиться, в стихотворении тема проституции рассматривается эстетизированной и действительно чувственным образом, но в то же время жутким и тревожным, лирический герой, как будто потрясен и очарован одновременно, он испытывает отвращение и влечение к обитателям дома блудницы: «Мелькают пары плясунов / Под звуки скрипки и рогов, / Как листьев рой в ненастный день. / И пляшет каждый силуэт, / Как автомат или скелет, / Кадриль медлительную там. / И гордо сарабанду вдруг / Начнут, сцепясь руками в круг, / И резкий смех их слышен там»⁷² [8]. Здесь мы видим большое количество художественных приемов, которые автор использует для создания яркого и запоминающегося образа, такие как сравнение, олицетворение и метафоры. Уайльд создает «живые» образы, что также указывает на его принадлежность к эстетизму.

Затрагивая тему проституции, Уайльд также поднимает общественную проблему, которая возникла в Англии в то время, а именно принятие нового закона о криминализации женщин, работающих в данной сфере, в то время как мужчин, за использование данных услуг, законом не наказывали [1, с. 124]. Мы видим, что определенной моральной компонент также присутствует в его ранних произведениях.

⁶⁸ «Who were your lovers? who were they who wrestled for you in the dust? / Which was the vessel of your Lust? / What Lemman had you, every day? / Did giant lizards come and crouch before you on the reedy banks? / Did Gryphons with great metal flanks leap on you in your trampled couch? / Did monstrous hippopotami come sidling to you in the mist? / Did gilt-scaled dragons write and twist with passion as you passed them by? / And from that brick-built Lycian tomb what horrible Chimera came / With fearful heads and fearful flame to breed new wonders from your womb? / Or had you shameful secret guests and did you harry to your home / Some Nereid coiled in amber foam With curious rock-crystal breasts?» [6, p. 14].

⁶⁹ «What songless tongueless ghost of sin crept through the curtains of the night, / And saw my taper burning bright, and knocked and bade you enter in?» [6, p. 18].

⁷⁰ «Come forth my lovely seneschal! so somnolent, so statuesque! / Come forth you exquisite grotesque! half woman and half animal!» [6, p. 19].

⁷¹ «Get hence, you loathsome misery! Hideous animal, get hence! / You wake in me each bestial sense, you make me what I would not be. / You make my creed a barren sham, you wake foul dreams of sensual life, And Atys with his blood-stained knife were better than the thing I am» [6, p. 19-20].

⁷² «We watched the ghostly dancers spin, / To sound of horn and violin, / Like black leaves wheeling in the wind. / Like wire-pulled automatons / Slim silhouetted skeletons / Went sidling through the slow quadrille. / Then took each other by the hand, / And danced a stately saraband; / Their laughter echoed thin and shrill [9, 16].

В стихотворении «Декоративные фантазии» выражены эстетические взгляды Оскара Уайльда. Для него искусство становится способом преобразовать и улучшить реальность, сделать её более прекрасной и идеальной. В его произведениях возникает не просто отражение жизни, а своеобразное переосмысление её, создание мира, гармоничного и идеального, по его мнению. Каждый образ, каждая фраза, каждый эпизод в его стихотворении пропитан магией, которая переносит читателя в другой, прекрасный мир, полный красоты и эстетики: «Листами красными лужок весь испещрен, / А белые летят, что волоконца, / Вдоль чаши голубой, где видно солнце, / Как сделанный из золота дракон / И белые плывут, в эфире тая, / Лениво красные порхают вниз, / То падая на складки желтых риз, / То на косы вороны упадая»⁷³ [8].

На начальном этапе своей творческой карьеры Оскар Уайльд также попробует себя в роли драматурга. Ранние трагедии О. Уайльда «Вера, или Нигилисты» и «Герцогиня Падуанская» не получили успеха на сценах Англии в свое время, однако идеи, которые Уайльд поднял в своих пьесах, актуальны и по сей день. Помимо того, в своих ранних пьесах Уайльд начал формировать аксиологические принципы, которые получают свое развитие в более поздних произведениях.

В трагедии «Вера, или Нигилисты» автор сочетает любовную историю с политической проблемой царской России и размышлениями над закономерностями происходящих в общественных процессах. Ряд критиков заинтересовались истоками интереса Оскара Уайльда русской тематике. Т. В. Павлова аргументирует это тем, что «интерес в Англии к политическим событиям в далёкой России для Уайльда мог дополнительно стимулировать тему, что в конце 1870-х годов он был тесно связан с кружком молодежи, концентрировавшимся вокруг Джона Рескина, в который входили художники и литераторы, исповедовавшие идеи, близкие к социализму» [10, с. 101].

В качестве главной героини Оскар Уайльд выбирает молодую девушку – Веру Сабурову, которая решает отомстить за смерть своего брата: «Брат мой, я сдержу клятву. Ты будешь отомщен!»⁷⁴ [2, с.860]. Для Оскара Уайльда сила духа важнее физической силы, сострадание, чуткость и вера в лучшее играет основную роль в формировании личности. И именно благодаря своей уверенности и душевной силе, Вера становится лидером одного из отрядов нигилистов.

В данной пьесе Уайльд показывает, что среди нигилистов присутствуют различные слои общества: крестьяне (Вера, Михаил), студенты (Дмитрий), интеллигенция (Профессор) и в том числе аристократия, в лице царевича Алексея. У каждого из них есть свои мотивы, но каждый готов отдать свою жизнь на благо своей родины.

Вступая в ряды нигилистов, Вера Сабурова дала клятву: «Задушить все природные чувства в себе; не любить и не быть любимым; не иметь жалости и не давать себя жалеть; не жениться и не выходить замуж до конца. Тайно закалывать кинжалом ночью, подливать яд в бокал, настраивать отца против сына и мужа против жены. Без страха, без надежды, без будущего; страдать, уничтожать, мстить»⁷⁵ [2, с. 861]. Именно на фоне данной клятвы и выстраивается основной конфликт пьесы. Нигилисты выступают за силу духа, они отрицают всякое проявление чувств и сострадание, что в теории Уайльда убивает способность видеть красоту и наполнять мир красотой.

Отдавая свою жизнь борьбе и мести за брата, Вера Сабурова не осознавала до конца, что значит жить. Лишь встретив Алексея и узнав, что такое любовь, Вера ощутила ту жизнь, которую и возвышает Уайльд: «о, но я женщина! Боже, помоги мне, я женщина! О, Алексей, я тоже нарушила свою клятву; я предательница! Я полюбила. Не говори ничего, не надо! (Целует его в губы) В первый и последний раз я полюбила...»⁷⁶ [2, с. 904].

Вместе с любовью Алексея, Вера получает новый смысл жизни, однако, у нее появляется внутренняя борьба с собой, борьба между долгом и любовью. И здесь мы вновь сталкиваемся с темой самопожертвования, которую можно проследить во многих произведениях О. Уайльда. Вера убивает себя ради спасения своего возлюбленного: «Моя жизнь ради твоей»⁷⁷ [2, с. 906].

Похожий конфликт встречается в трагедии «Герцогиня Падуанская», где Гвидо стоит перед сложным выбором: мстить за отца, погибшего от руки его возлюбленной, или оставить в прошлом кровавую месть, которая не соответствует его внутреннему миру. В свою очередь Беатриче берет на себя ответственность за решение своего возлюбленного и убивает своего мужа [4, с. 230]. Беатриче, не зная о кро-

⁷³ «The red leaves fall upon the mould, / The white leaves flutter, one by one, / Down to a blue bowl where the sun, / Like a great dragon, writhes in gold. / The white leaves float upon the air, / The red leaves flutter idly down, / Some fall upon her yellow gown, / And some upon her raven hair» [9, с. 48].

⁷⁴ «My brother, I shall keep the oath. You shall be revenged!» [11, с. 8].

⁷⁵ «To strangle whatever nature is in us ; neither to love nor to be loved, neither to pity nor to be pitied, neither to marry nor to be given in marriage, till the end is come; to stab secretly by night ; to drop poison in the glass ; to set father against son, and husband against wife ; without fear, without hope, without future, to suffer, to annihilate, to revenge» [11, с. 14].

⁷⁶ «Oh, I am a woman ! God help me, I am a woman ! O Alexis ! I too have broken my oath ; I am a traitor. I love. Oh, do not speak, do not speak – {kisses his lips} – the first, the last time» [11, с.70].

⁷⁷ «My life for yours» [11, с.72].

вавом долге, убивает мужа лишь из желания быть рядом с Гвидо: «Мы, женщины, всем жертвуем любви, / И за тебя я погубила душу / В сей жизни и в другой!»⁷⁸ [2, с. 480].

Уайльд показывает читателю сущность греха и как он его воспринимает. Для Уайльда есть два пути: путь души, который наполнен любовью и самопожертвованием, и путь слепой мести. Через образы Гвидо и Беатриче мы можем заметить, как эти два пути проигрываются в их судьбах. Познав настоящую любовь, Гвидо отказывается от мести в пользу любви: «Не орудьем / Карает бог, но правую десницей. / Я не убью»⁷⁹ [2, с. 471]. Для него любовь стала смыслом жизни, он отказался мстить, чтобы не чернить свою любовь и свою душу грехом: «Любя, мы ведаем все тайны бога / И тайны мира. Нет такой лачуги / Ничтожной или малой, чтоб в нее – / Когда живущие в ней сердцем чисты – / Не снизошла любовь. Но если в дверь / Кровавое убийство постучится, / Любовь и во дворец от этой раны / Умрет; и это – божье наказание / За грех; любить не может, кто преступен»⁸⁰ [2, с. 474]. Иной путь у Беатриче, она выбирает грех во имя любви: «Лишь для тебя! Лишь для тебя! / Ужели ты не понял? / Ты мне сказал: меж нами есть преграда. / Она теперь в той комнате лежит – / Повержена, разломана, разбита, / Нас больше не разделит»⁸¹ [2, с. 480]. Здесь, как и во многих других произведениях Оскара Уайльда, любовь, как и красота, являются высшей ценностью. Именно во имя любви и красоты, по мнению Оскара Уайльда, можно совершить грех, который будет прощен. Так, Бог прощает герцогиню за ее грех, совершенный во имя любви: «Верховный судья устремляется вперед и подымает плащ с герцогини, лицо которой теперь подобно мрамору и исполнено мира, как знак, что Бог простил ее»⁸² [2, с. 527].

В этих двух пьесах любовь и смерть соединяются воедино. В каждом из произведений герои умирают, познав истинную любовь, которая даровала им смысл жизни. Но в их судьбы вмешивается жизнь, со своими правилами и обязанностями. Уайльд через смерть героев показывает, что жизнь не может постичь как истинной красоты, так и истинной любви. Лишь умерев, каждый из них обретает счастье. Идея превосходства красоты, любви и красоты над жизнью станут основой всего творчества Уайльда.

Исходя из анализа ранних работ О. Уайльда, мы можем прийти к выводу, что его идеалом было создание жизни, наполненной красотой и изяществом, в которой каждый момент был как произведение искусства. Уайльд делал упор на значимости красоты и эстетического восприятия, считая, что именно они делают нашу жизнь более полной и счастливой. Лишь со временем он переходит к более глубоким размышлениям на тему жизни, любви и внутреннему миру человека. В его поэтических произведениях мы отмечаем лишь красоту слога автора, которое создает атмосферу красоты и вдохновения. От его стихотворений и поэм отличаются пьесы, в которых благодаря художественной форме он смог более полно высказать свои ценностные, моральные и эстетические принципы, которые более полно будут раскрыты в его следующих произведениях. Своими первыми работами Уайльд не только положил начало своей литературной карьеры, но и начал формировать литературные принципы для своего столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эллман, Р. Оскар Уайльд : Биография / Р. Эллман; [пер с англ. Л. Мотылева]. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. – 704 с.
2. Уайльд, О. Полное собрание прозы и драматургии в одном томе / Пер. с англ. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008. – 1263 с.
3. Wilde, O. Intentions: The decay of laying, Pen, pencil and poison, The critic as artist, The truth of masks / O. Wilde. – New York, Brentano's, 1905. – 300 p.
4. Тетельман, А.И. Искусство и жизнь в произведениях Оскара Уайльда / А.И. Тетельман // Русская и сопоставительная филология: Исследования молодых ученых. – 2004. – №7. – С. 148 – 151
5. Wilde, O. Ravenna [Electronic resource] – Mode of Access: <https://englishliterature.net/oscar-wilde/ravenna> – Date of issue: 14.04.2024.

⁷⁸ «Men do not know what women do for love. Have I not wrecked my soul for your dear sake, Here and hereafter?» [12, p.55]

⁷⁹ «No! God hath no minister but his own hand. I will not kill this man» [12, p. 43].

⁸⁰ «But Love, which is his image, holds his place. When a man loves a woman, then he knows God's secret, and the secret of the world. There is no house so lowly or so mean, Which, if their hearts be pure who live in it, Love will not enter; but if bloody murder Knock at the Palace gate and is let in, Love like a wounded thing creeps out and dies. This is the punishment God sets on sin. The wicked cannot love» [12, p. 45].

⁸¹ «For you! For you! I did it all for you: have you forgotten? You said there was a barrier between us; That barrier lies now i' the upper chamber Upset, overthrown, beaten, and battered down, And will not part us ever» [12, p. 86].

⁸² «The LORD JUSTICE rushes forward and drags the cloak off the DUCHESS, whose face is now the marble image of peace, the sign of God's forgiveness» [12, p. 102].

6. Wilde, O. The Sphinx / O. Wilde. – Jacob Rabinowitz and 96k of October, 2020 – 62 p.
7. Савельев, К.Н. Оскар Уайльд и французская литература второй половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / Моск. пед. гос. ун-т. - Москва, 1995. - 16 с.
8. Уайльд, О. Стихи Оскара Уайльда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oscar-wilde.ru/stihi/index.html> – Дата доступа: 15.04.2024.
9. Wilde, O. The Harlot's house and other poems / O. Wilde. – Girard, Kan. : Haldeman-Julius Co., 1962 – 68 p.
10. Павлова, Т.В. На рубеже XIX и XX веков: Оскар Уайльд в русской литературе : (Конец XIX- начало XX в.) / Т.В. Павлова // Сб. научных трудов. – 199. – Вып. 7. – С. 77 – 128.
11. Wilde, O. Vera, or, The nihilists: a drama in a prologue and four acts / O. Wilde. – University of California Libraries, 1902. – 75 p.
12. Wilde, O. The Duchess of Padua / O. Wilde. – METHUEN & CO. LTD. SSEX STREET W.C. LONDON, 2014 – 115 p.